

УДК 347

СУПЕРПОЗИЦИИ ВОЛИ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА

© 2025 г. В. А. Майборода

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург*

E-mail: mayboroda-va@ranepa.ru

Поступила в редакцию 12.01.2024 г.

Аннотация. В статье рассмотрены различные аспекты формирования воли коллективного субъекта. Предлагается суждение о том, что коллективный субъект существует в обороте непосредственно в акте коллективного волеизъявления. С методологической точки зрения предложено разделить предполагаемое членами коллектива общее мнение в качестве феномена и достигаемое средствами юридических процедур формализованное решение коллективного субъекта (сообщества) в качестве ноумена. Термин «суперпозиция», заимствованный в данном случае из раздела механики классической физики, призван к обозначению состояния совокупности волевых импульсов в представимом членами сообщества феноменальном состоянии и в формализованном решении сообщества для участия в обороте в качестве юридического факта-ноумена.

Ключевые слова: воля, коллективная воля, феномен, ноумен, суперпозиция, гражданско-правовое общество, публичная власть.

Цитирование: Майборода В.А. Суперпозиции воли коллективного субъекта // Государство и право. 2025. № 2. С. 60–67.

DOI: 10.31857/S1026945225020065

SUPERPOSITIONS OF THE WILL OF THE COLLECTIVE SUBJECT

© 2025 V. A. Mayboroda

*North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, St. Petersburg*

E-mail: mayboroda-va@ranepa.ru

Received 12.01.2024

Abstract. The article discusses various aspects of the formation of the will of a collective subject. The author proposes the proposition that the collective subject exists in circulation directly in the act of collective will. From the methodological point of view, it is proposed to distinguish between the general opinion assumed by the members of the collective as a phenomenon and the formalized decision of the collective subject (community) achieved by means of legal procedures as a noumenon. The term superposition, borrowed in this case from the branch of mechanics of classical physics, is intended to designate the state of a set of volitional impulses in the phenomenal state represented by the members of the community and in the formalized decision of the community for participation in circulation as a legal fact-noumenon.

Keywords: will, collective will, phenomenon, noumenon, superposition, civil law community, public authority.

For citation: Mayboroda, V.A. (2025). Superpositions of the will of the collective subject // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 60–67.

Введение. Постановка проблемы

Законодательство Российской Федерации не содержит общего механизма, определяющего универсальные правила по формированию воли так называемых коллективных субъектов, в гражданском обороте также именуемых гражданско-правовые сообщества. Но вместе с тем трудно переоценить масштабы участия этого субъекта как в обычном гражданском обороте, так и в специальных жилищных, земельных, трудовых, служебных, социальных, корпоративных и иных правоотношениях. Коллективный субъект и его воля приобретают с развитием отечественного регулирования все большее практическое значение, и порядок формирования коллективной воли обрастает нормативной детализацией, сложно представимой для, допустим, партийных собраний середины XX в. Ведь, например, как по вопросам принятия встречных обязательств по невыполнению пятилетнего плана, так и по вопросам морального облика коммуниста процедура формирования и объективизации (т.е. формального, письменного закрепления) коллективной воли была одна. Это общее собрание с обеспеченной почти стопроцентной явкой членов сообщества, зачин председательствующего, по умолчанию секретаря первичной партийной ячейки, и последующее открытое голосование. Этот институт стал традиционным, привычным, отработанным в сознании участников более чем трех поколений до автоматизма и отображен как в самобытном народном творчестве (анекдоты), так и в художественных произведениях классиков соцреализма.

В современном нормативном правовом регулировании уже только отраслевой закон, всякий раз регулирующий отдельное специальное правоотношение, устанавливает отдельные специальные правила по выявлению воли коллективного субъекта и по ее объективизации, т.е. требования к процедуре, в результате которой определяется и в письменном виде закрепляется выражение коллективной воли. Эти правила являются специальными для регистрации участников коллективного субъекта, формы голосования (открытого или тайного), требований к простой либо нотариальной форме удостоверения выраженной коллективной воли.

Представляется, что такое положение случилось не вдруг и не является случайным. При прочих равных обстоятельствах физические лица — участники коллективного субъекта являются носителями достаточно универсального волевого импульса. Поэтому нельзя говорить о том, что разнообразие форм выявления коллективной воли есть следствие волевого разнообразия физических лиц. Напротив, следование приведенному выше канону социалистического государственного строительства для участников коллективного субъекта представляется более

правильным и рациональным. Поэтому видится, что причина кроется в другом — в специфике каждого отдельного правоотношения, в ряде которых априорно невозможно предположение о результате формирования коллективной воли и в ряде которых, напротив, такое предположение очевидно каждому, и процедура формирования коллективной воли носит формальный характер, направленный лишь на выполнение требования закона.

Поэтому применительно к первой группе отношений возможно вынесение суждения о наличии неопределенности коллективной воли до ее непосредственного выражения, в группе вторых случаев — о презюмируемом обстоятельстве коллективном волевом импульсе, и, соответственно, верным будет допущение для описанной группы случаев, согласно которому результирующий эффект всей совокупности независимых волевых посылов будет являть сумму эффектов, как если бы они были явлены каждым волевым проявлением в отдельности, т.е. проявление принципа суперпозиции в классической физике в разделе механики.

Третью группу отношений, расположенную между названными полюсами полной неопределенности совокупности выражения коллективной воли и ее противоположности, составляют отношения, в которых формирование коллективной воли находится под воздействием непосредственно в период ее формирования. Иными словами, участник общего собрания какого-либо из сообществ меняет свое мнение и направление волевого импульса непосредственно в ходе дебатов, обсуждений до ее формализации в процедуре голосования.

Таким образом, предмет настоящей работы — три варианта (суперпозиции) формирования коллективной воли при ее восприятии коллективным субъектом: во-первых, случаи, в которых коллективная воля до объективизации предстает коллективному субъекту и отдельным его членам неопределенной; во-вторых, случаи, в которых формирование является предрешенным для коллективного субъекта до объективизации; в-третьих, коллективная воля создается непосредственно в процедуре ее выражения: в дебатах и в процедуре голосования.

Методы исследования

В работе затронуты онтологические аспекты такого субъекта, как коллектив. В данной связи следует учесть ту позицию, что коллективный субъект, по нашему мнению, существует лишь в момент (период) волеизъявления. Ни до, ни после коллективного волеизъявления коллективного субъекта, в том виде в котором он выразил коллективную волю, либо еще не существует, либо уже не существует. Например, из сообщества какой-либо из его членов не допущен к голосованию по технической причине: отсутствие документа, удостоверяющего

личность. Но тем не менее данный член является участником сообщества, но именно в этом коллективном волевом акте участие не принял, однако имеет возможность участвовать в других более поздних актах. Более того, этот участник также наделен правом по оспариванию коллективного волеизъявления и его результатов. И напротив, иной член сообщества после собрания умер, а его правопреемник вступит в права лишь спустя шесть месяцев. Приведенные житейские примеры своей обыденностью призваны подчеркнуть указанный выше тезис: каждый раз коллективная воля выражена уникальным субъектом, чье существование фактически неповторимо.

Поэтому для коллективного субъекта, бытие которого исчерпывается волевым актом, являются приемлемыми общенаучные методы познания, делящие познаваемое рационально и познаваемое чувственно. Применительно к первым представляется разумным заимствование кантовского термина «ноумен», применительно ко вторым — «феномен». Содержание вещи самой в себе (*ding an sich selbst betrachtet*) раскрыто в концепции антиномии чистого разума¹. Феноменология как метод познания сформированной априорно до объективизации и формализации коллективной воли и осведомленность об этом членов сообщества использована в данной работе в понимании феноменологии Гуссерля, характеризующейся единством своих содержаний². Иначе говоря — ноуменом как явлением коллективной воли выступают субъекты с неопределенным для участников коллективным мнением до объективизации, а феноменом как явлением допустимо именовать наличие коллективной воли, понятной участникам коллективного субъекта до всякого обсуждения и объективизации. Следовательно, обоснованным выступит суждение о том, что применительно к ноуменам возможно использование средств научного познания, основанных на рациональном мышлении. Например, в случае общего собрания участников корпоративного субъекта либо участников общей долевой собственности их экономический интерес вопреки неопределенности в наличии общего мнения при его выявлении и обозначении неизбежно означает направление волевого импульса в пользу получения наибольшей выгоды в таком интересе. Тот, кто предложит большую плату за пользование общим имуществом собственникам, и заключит с коллективным субъектом договор аренды. Тот, кто обоснует стратегию извлечения корпоративным

субъектом прибыли наибольшей, нежели извлекается в текущем положении дел, и одержит победу в борьбе за избрание в исполнительные органы общества, кооператива. В отношении коллективного субъекта феноменологической природы его познание методически обосновано средствами предварительного обобщения опросов, обсуждений в самом сообществе.

Применительно к отношениям, предполагающим регулирование формирования коллективной воли непосредственно в результате обсуждения, дебатов, дискуссии и т.п. процедур, уместными представляются методы теории управления, согласно которой управление делится на два вида: стихийное, при котором воздействие происходит в результате взаимодействия субъектов (синергетическое управление); и сознательное, означающее планомерное воздействие объекта (иерархическое управление)³. Таким образом, применительно к сообществам, формирующим коллективную волю в результате взаимодействия субъектов, (например, на публичных слушаниях), необходимо использование методов синергетического управления, а применительно к сообществам, находящимся в подчинении одних членов другим членам сообщества (например, в органах судейского сообщества), уместным выступает метод, исследующий иерархическое управление.

Сущность коллективной воли

Всякое правоотношение возникает в результате волевого импульса, очевидно выраженной воли действием, бездействием субъектов данного правоотношения. Даже в том случае, если правоотношение возникает в силу предписания об этом закона, воля субъекта этого правоотношения направлена на участие в нем, и уж в самом отчужденном случае субъекта от детерминизма возникновения правоотношения — на непротивление в его возникновении (квалифицированное молчание). Соответственно, утверждение о том, что воля субъекта есть движущее начало всякого правоотношения, тривиальное, но абсолютное верное. Оно столь же очевидно отображает фактическое положение вещей, что и наше сознание — реальность. В литературе исследованию этого движущего начала посвящено немало работ, чье содержание невозможно реферировать ввиду его массивности. Поэтому полагается достаточным для целей настоящего исследования указать на такие точки зрения как: во-первых, идею О.С. Иоффе о том, что возможность собственного поведения управомоченного может быть элементом содержания субъективного права, но при этом сохранять понимание субъективного

¹ См.: Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике... 1783 // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965 (Философ. наследие). Т. 4, ч. I. С. 67–209.

² См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. Т. 1. С. 223, 280.

³ См.: Егоров А.И. Основы теории управления. М., 2004.

права как способа обеспечения чужого поведения⁴. Во-вторых, господствующее в современной цивилистической доктрине мнение С.Н. Братуся о том, что любое дозволение есть «мера возможного (дозволенного) поведения» (субъективное право)⁵. В-третьих, совокупное мнение Г. Кельзена⁶, Л.И. Петражицкого и Н.Г. Александрова, рассматривающих субъективное право лишь как дополнительный способ описания объективного права⁷. В-четвертых, основополагающее суждение для постсоветского частного права, избравшего корнем роста Гражданское уложение Германской империи 1900 г., выдающегося немецкого ученого Альфреда Манигка о разделении волеизъявления на прямое (*ausdrücklich*) и молчаливое (*stillschweigend*), выводом из чего выступает его тезис о том, что воля как факт внутреннего мира может распознаваться лишь опосредованно через факт, который может быть осознанно воспринят⁸. В указанной связи отдельного внимания заслуживает также изучение выражения воли посредством молчания. Д.А. Мальцев и И.К. Луговской в своей работе рассмотрели молчание в свете теории нормативного волеизъявления⁹.

Тем не менее индивидуальная воля и воля коллективного субъекта при достаточной схожести имеют и значительные отличия. Применительно к ее персональному носителю российский закон использует термин «автономия воли», но не предполагает ее наличия у субъекта коллективного. Очевидно, в силу того природного обстоятельства, что автономия воли присуща только физическому лицу. Только у него она обладает континуальностью, т.е. непрерывностью весь период времени наличия сознания, поскольку воля является его неотъемлемой частью. Но при этом необходимо понимание того, что автономия воли, в сущности, есть иная ипостась имущественной самостоятельности уполномоченного лица. Наличие имущественной самостоятельности обуславливает автономию, ее отсутствие само по себе не аннулирует, но делает бессмысленным автономию воли.

⁴ См.: Иоффе О.С. Избр. труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права. М., 2020. С. 675.

⁵ См.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 8–21.

⁶ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. 2-е изд. (1960). СПб., 2015. С. 12, 24, 25.

⁷ См.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 108.

⁸ См.: Manigk A. Die Privatautonomie im Aufbau der Rechtsquellen. Berlin, 1935.

⁹ См.: Мальцев Д.А., Луговской И.К. Молчание как сделочное волеизъявление // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 81–111.

Лица, основанные на консолидации коллективной воли — сообщества, органы управления (публичные и частные), юридические лица и публично-правовые субъекты имеют некоторую часть предрешенных аспектов волевого посыла. Так, хозяйственные общества создаются с целью извлечения прибыли, коллективная воля участников предопределена именно этой целью. Сообщества гражданско-правовой природы созданы в интересе управления общим имуществом, выделение долей из которого в натуре либо невозможно, либо не целесообразно по экономическим причинам. Публично-правовые субъекты суть консолидация воли населения в его границах, основанная на единстве исторической судьбы предков. То есть, по существу, коллективная воля правопредшественников, чье исполнение возложено на наследников. При этом все названные лица (сообщества) априорно наделены имущественной самостоятельностью, само их создание, в том числе в случаях, предусматривающих государственную регистрацию, включает в себя необходимость наличия имущества (уставного капитала), т.е. имущества, чья самостоятельность и определит наличие автономной воли коллективного субъекта, консолидированно выраженной участниками.

Вместе с тем юридические лица и публично-правовые субъекты в части отношений, в которых они участвуют в ординарном гражданском, земельном, жилищном, трудовом и ином частноправовом обороте, выступают в качестве правовой фикции. Теория олицетворения, разработанная Савиньи, по существу, остается в практическом использовании ее в отечественном правовом регулировании неизменной. Именно благодаря этим выкладкам мы понимаем, что действовать могут только физические лица, а юридические лица (а применительно к настоящей работе и сообщества) призываются к действию, бездействию, порождающим правовые последствия посредством представительства, и воля представителей юридического лица, уполномоченных физических лиц, рассматривается в общем массиве частноправовых отношений как воля юридического лица посредством фикции¹⁰. Собственно, благодаря фундаментальности названной доктрины в России юридическое лицо не является субъектом уголовного права. Как указывал сам Савиньи, неверно говорить о *dolus* и *culpa* юридического лица. Уничтожение города и тому подобные меры суть политического средства, действий власти, а не суда¹¹.

Но в части формирования единой воли из разрозненного конгломерата субъективных начал данные субъекты являются самостоятельными,

¹⁰ См.: Savigny F.C. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 2. Berlin, 1840. S. 312.

¹¹ См.: *ibid.* S. 313.

наделенными в той мере автономией воли, в которой ею обладают и реальные участники оборота — физические лица.

Таким образом, *воля коллективного субъекта в частноправовом регулировании есть объединение волевых импульсов большинства его членов — физических лиц, обладающих автономией воли, возможность консолидации которых презюмируется законом исключительно в границах общности имущественного (экономического) интереса.* В том случае, когда единство имущественного (экономического) интереса в сообществе отсутствует, коллективная воля носит иной характер, нежели частноправовой. Она может носить социальный характер, примером чему выступают сообщества оказания помощи нуждающимся (благотворители), в защиту животных, окружающей среды и пр.; может носить политический характер, пример тому — сообщества политических партий, блоков, иных объединений.

В том случае, когда суждение о частноправовой природе коллективного субъекта не очевидно (вышеприведенный пример органов судейского сообщества; органы управления государственных корпораций; коллегиальные суждения рабочих органов Государственного Совета РФ и т.п.), определение сущности природы воли коллективного субъекта ставится в зависимость от конкретного вопроса, для разрешения которого формируется коллективная воля.

Избыточная нормативно-правовая детализация в регулировании формирования коллективной воли имеет следствием возможности заполнения содержанием имущественного (экономического) интереса формы, предназначенной для социальной, политической иной консолидированной воли сообщества. Ярчайшим примером в данной сфере выступают процедуры публичных слушаний, предназначенных к формированию коллективной воли (здесь уместно использование слова «соборной» воли) для решения вопросов местного значения общины, в которую интегрирован имущественный (экономический) интерес реорганизации развития территории, получивший в гл. X Градостроительного кодекса РФ наименование «Комплексное развитие территории». Очевидно, что камуфлирование коллегиальной волей сообщества особенного имущественного интереса (за счет этого же сообщества) — не новость в способе легализовать корыстолюбие. Однако именно в данном институте следует констатировать достижение высочайшей степени изошренности в подмене понятий и использование коллективной воли сообщества в отдельном частном интересе (застройщика).

Преобразование феномена коллективной воли в ноумен

Таинство преобразования феноменологии коллективной воли, представления о ней членов

сообщества, основанного на их взглядах, предположениях, жизненном опыте, если угодно — интуиции, в формально удостоверенный, объективизированный и познаваемый средствами правового исследования, в том числе в судебной процедуре, результат (ноумен) осуществляется посредством процедуры проведения собрания (заседания) участников сообщества. В традиции собраний, служащей источником позитивного регулирования в российском законе, достаточно просто выделить следующие стадии: объявление о собрании с обособлением проблематики обеспечения кворума, то есть представительства большинства от общего числа членов сообщества и вопросов повестки дня; регистрация участников; собственно собрание с организацией работы органов собрания (председательствующих, секретарь, счетная комиссия); подготовка и верификация (подписание либо иное удостоверение подлинности) протокола. Решение собрания обязательно для всех участников сообщества вне зависимости от их воли по участию в собрании либо по голосованию в нем.

Заметим, что применительно к сообществам с открытым числом участников (община) обыкновение отечественного опыта заимствовало норму (ч. 3 ст. 25, ч. 1.2 ст. 25.1. Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») из традиционалистского иудейского права (закон Моисея), согласно которому минимальное число членов общины — 10¹². А вот для общин малочисленных коренных народов подобная норма о минимально допустимом числе членов общины положениями Федерального закона от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» не устанавливается, что означает, что и требование по минимальному количеству участников общего собрания (схода) членов общины малочисленных народов в законе не установлено.

Сами эти стадии в материальных нормах, регулирующих отношения по проведению общих собраний, формализующих коллективную волю сообщества, не закреплены в последовательном системном изложении. Так, универсальные нормы, как следует из п. 1 ст. 181.1 ГК РФ, закреплены в нем в гл. 9.1. Однако стилистика отечественного нормотворца заключена в последовательном применении принципа *lex specialis derogat generali* (специальный закон

¹² См.: Миньян необходим не только для религиозных обрядов; он является необходимым в имущественных отношениях при выкупе земельных участков // Мишна Мегила 4.3. URL: https://toldot.com/articles/articles_29958.html (дата обращения: 10.01.2024).

отменяет (вытесняет) общий закон) везде, где это возможно, поэтому общие правила Гражданского кодекса РФ сами по себе не являются институтом, действительно регулирующим отношения по формированию коллективной воли. В данной связи специальные нормы о процедуре проведения собрания закреплены в Жилищном кодексе РФ, в Федеральном законе от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», в Федеральном законе от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в законах о хозяйственных обществах (от 08.02.1998 № 14-ФЗ, от 26.12.1995 № 208-ФЗ и от 29.11.2001 № 156-ФЗ), в законах о кооперативах (от 18.07.2009 № 190-ФЗ, от 08.05.1996 № 41-ФЗ и от 08.12.1995 № 193-ФЗ). Применительно к трудовым отношениям – в Трудовом кодексе РФ с соответствующим нормативным правовым регулированием для профессиональных сообществ (например, в юридической сфере: сообществ судей, сообществ адвокатов, сообществ нотариусов, сообществ юристов). В целом перечень можно продолжать, однако его приведение преследует цель указать, что стадии объявления о собрании и формирование кворума в целом идентичны для всех них. В качестве общеизвестного единственного исключения сообщества, равнодушного к числу его участников при обсуждении (законопроектов), можно считать лишь Палату представителей США¹³.

В подавляющем большинстве случаев кворум считается обретенным при наличии более 50% членов сообщества. В отдельных случаях необходим квалифицированный кворум либо единогласное решение участников сообщества¹⁴. Рассматривая же ординарную ситуацию, в которой приемлемым является присутствие половины членов сообщества для констатации наличия кворума и половины голосов для принятия решения, неизбежен вывод о том, что фактически решение, обязывающее все сообщество, допускается к принятию ¼ от числа членов сообщества. И рассматривая под этим углом зрения общепринятую норму о достаточности половины (плюс один) членов сообщества для формирования коллективной воли по соображениям обеспеченности этой половиной большинства в сообществе, следует сделать вывод о порочности такого представления. Как

приведено выше, все сообщество может оказаться в ситуации следования воле лишь ¼ от числа его членов. И довод о том, что отсутствие на общем собрании (заседании) и есть «голосование ногами», т.е. фактическое воздержание от голосования как бы при фактическом участии в нем, не является достаточным с позиции требования о справедливости коллегиального решения. Такое требование заключается в том, что, исполняя обязанность следования общей воле, лицо, с ним не согласное, может и должно иметь встречное предоставление, компенсирующее исполнение этой обязанности. Отечественный закон в ряде случаев предполагает такое встречное предоставление. Например, право на особое мнение, наличие которого влияет на дальнейшее поведение сторон в случае возникновения формализованного спора; либо право на выдел своей доли из общего земельного участка при несогласии с решением собрания по упрощенной процедуре¹⁵. Представляется необходимым в качестве общей нормы, а не исключительного правила, закрепление требования о том, что при наличии кворума, не достигающего 60% от общего числа членов сообщества, коллективная воля подлежит формированию только квалифицированным большинством, т.е. ¾ от числа присутствующих.

Специального внимания заслуживают вопросы формирования рабочих органов собрания. Феноменологичность собраний больших коллективов, состоящих из более чем нескольких десятков участников, детерминирует необходимость дебатов между ними, поскольку возможность выразить мнение публично при наличии такого числа слушателей имманентно природе человека, склонного к лидерству. Обратное, т.е. отсутствие публичной дискуссии при наличии предлагаемого числа участников, означает формирование представления о predeterminedности коллективной воли, умаляющей тем самым ее значимость. Следовательно, синергетический метод управления в сочетании с иерархическим создают в качестве оптимального соотношения как наличие подготовленных докладов по вопросам повестки дня, так и спонтанных выступлений. Обретение баланса в таком сочетании выступает задачей председательствующего в собрании (заседании) сообщества. В данной связи российское законодательство выделяет часть сообществ, чье образование имеет в своей природе характер случайности (пробабильности), наделяя председательствующего в них спектром возможностей, обеспечивающих эффективность работы сообщества. Пожалуй, наиболее яркий пример такого случая – собрание кредиторов в процедуре банкротства и собрание бывших

¹³ Наличие кворума закреплено презумпцией, и пока она не опровергнута, он считается наличествующим. “CRS Annotated Constitution”. Cornell University Law School. Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution-sonan/article-1> (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁴ Особенно положение садоводов (огородников), не являющихся членами товарищества, и ассоциированных членов кооперативов.

¹⁵ См.: *Майборода В.А.* Коллективная воля в управлении землей долевой собственности сельскохозяйственного назначения // Юридический мир. 2019. № 5. С. 50.

работников должника, фактические обязанности по организации и проведению которых Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» возложены на арбитражного управляющего, чья деятельность подконтрольна суду.

В приведенной связи, резюмируя рассмотрение формирования коллективной воли синергетическими средствами управления, следует заключить, что в причинной связи с ним должен находиться и способ оформления результатов такого волеизъявления – тайное голосование. Обосновывая необходимость тайного голосования в качестве императивной нормы в ряде случаев, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28 февраля 2008 г. № 3-П описал этот способ голосования как средство обеспечения независимости волеизъявления, противопоставленный в рассматриваемом деле возможности служебного воздействия председателями судов на подчиненных. Однако данный способ формирования коллективной воли является одновременно и инструментом, обосновывающим неизбежность следования меньшинства воле большинства членов сообщества. Именно тайное голосование представляет собой институт формирования коллективной воли, исторически сформированный опытным путем в полисах Древней Греции, и уже поэтому возможен к доминирующему противопоставлению открытому голосованию, чье происхождение основано на идее возможности манипуляции стадностью в массовом скоплении людей. Фактически, открытое голосование действительно есть манипулятивная практика, пресечение которой должно быть востребовано в каждом из сообществ, формирующих коллективную волю в общем интересе, а не в интересе лица, по каким-либо причинам обладающего на данном конкретном собрании доминирующим положением.

Некоторого специального внимания в рамках настоящей работы заслуживает новая для отечественной правовой системы модель формирования феноменологии коллективной воли с формализацией в номене. Реформа Конституции РФ 2020 г. институализировала единство публичной власти в России, предполагающей возможность перераспределения полномочий публично-правовыми субъектами между всеми без исключений уровнями организации публичной власти: федеральной, региональной и местной. Статьей 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» дано понятие единой системы публичной власти: единая публичная власть состоит из органов государственной власти и органов местного самоуправления и при этом по смыслу п. 2 названной статьи включает в свой состав органы публичной власти, перечисленные в названной норме: Президент РФ, Правительство РФ, Государственный Совет РФ.

Отметим, что согласно ч. 2 ст. 2 Конституции РФ народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Государственный Совет РФ является коллегиальным органом публичной власти, в состав которого включены поименованные в ст. 9 названного Закона лица, осуществляющие деятельность в нем на общественных началах (п. 2 ст. 7). Приведенное соотношение коллегиальности выработки решений, с одной стороны, отнесение Государственного Совета к органам публичной власти – с другой, и отсутствие в нем должностных лиц, наделенных служебными правами и обязанностями, выработало единственно приемлемый в данной ситуации механизм обеспечения работоспособности органа публичной власти: через легитимность председателя Государственного Совета, которым в силу ст. 7 указанного Закона является Президент РФ. Таким образом, коллегиальные решения органа публичной власти, фактически осуществляющего деятельность в качестве совещательного органа, формализуются и приобретают обязательный (императивный) характер для исполнения единой системой публичной власти Российской Федерации. То есть феноменология коллективной воли в данном случае обретает номен в форме поручения Президента РФ и суперпозиции, через которые проходит коллективная воля, позволяют деперсонифицировать субъектность носителя, но объективизировать результат коллективного волеизъявления.

Выводы

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, многообразие коллективных субъектов, участвующих в частноправовом обороте, предполагает необходимость унификации процедур формирования коллективной воли, в том числе предусматривая в каждом из них возможности встречного предоставления меньшинству, подчиняющемуся воле большинства. Во-вторых, конституционная реформа детерминировала новые инструменты по консолидации коллективной воли в публичных отношениях, в том числе предполагающие возможности получения результата коллективного волеизъявления и средств обеспечения его фактического воплощения (реализации). В-третьих, часть коллективных субъектов, имеющих презюмируемую феноменологию коллективной воли, вправе рассчитывать на создание правовых инструментов в ее формализации со значительно облегченной по характеру процедурой, нежели необходима в условиях синергетических либо иерархических обсуждений при формировании коллективной воли. В-четвертых, выявление феномена коллективной воли посредством воздействия на предрешение (публикации лидеров мнений, социологических исследований и т.п.) подлежит

обязательному указанию как средство воздействия на легитимизацию ноумена при формировании коллективной воли вне зависимости от соблюдения формализованной юридической процедуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 108.
2. *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 8–21.
3. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. Т. 1. С. 223, 280.
4. *Егоров А.И.* Основы теории управления. М., 2004.
5. *Иоффе О.С.* Избр. труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права. М., 2020. С. 675.
6. *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике... 1783 // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965 (Философ. наследие). Т. 4, ч. I. С. 67–209.
7. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. 2-е изд. (1960). СПб., 2015. С. 12, 24, 25.
8. *Майборода В.А.* Коллективная воля в управлении земель долевой собственности сельскохозяйственного назначения // Юридический мир. 2019. № 5. С. 50.
9. *Мальцев Д.А., Луговской И.К.* Молчание как сделочное волеизъявление // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 81–111.
10. *Manigk A.* Die Privatautonomie im Aufbau der Rechtsquellen. Berlin, 1935.

Сведения об авторе

МАЙБОРОДА Виктор Александрович — доктор юридических наук, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; 199034 г. Санкт-Петербург, 7-я линия В.О., д. 16–18

11. *Savigny F.C.* System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 2. Berlin, 1840. S. 312, 313.

REFERENCES

1. *Aleksandrov N.G.* Legality and legal relations in Soviet society. M., 1955. P. 108 (in Russ.).
2. *Bratus S.N.* Subjects of Civil Law. M., 1950. Pp. 8–21 (in Russ.).
3. *Husserl E.* Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. M., 1999. Vol. 1. Pp. 223, 280 (in Russ.).
4. *Egorov A.I.* Fundamentals of management theory. M., 2004 (in Russ.).
5. *Ioffe O.S.* Selected works on Civil Law. From the history of civilistic thought. Civil law relations. Criticism of the theory of Economic Law. M., 2020. P. 675 (in Russ.).
6. *Kant I.* Prolegomena to any future metaphysics... 1783 // Kant I. Essays: in 6 vols. M., 1965 (Philosophical heritage). Vol. 4, part I. Pp. 67–209 (in Russ.).
7. *Kelsen G.* Pure doctrine of law / transl. from German by M.V. Antonov, S.V. Lyozov. 2nd ed. (1960). SPb., 2015. Pp. 12, 24, 25 (in Russ.).
8. *Mayboroda V.A.* Collective will in the management of agricultural shared ownership land // Legal World. 2019. No. 5. P. 50 (in Russ.).
9. *Maltsev D.A., Lugovskoy I.K.* Silence as a transaction expression of will // Herald of Civil Law. 2023. No. 2. Pp. 81–111 (in Russ.).
10. *Manigk A.* Die Privatautonomie im Aufbau der Rechtsquellen. Berlin, 1935.
11. *Savigny F.C.* System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 2. Berlin, 1840. S. 312, 313.

Authors' information

MAYBORODA Viktor A. — Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Law, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 16–18, 7 Lane V.O., 199034 St. Petersburg, Russia